

На правах рукописи

Шаисламов Альберт Рамилевич

**СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ НОМАДИЗМА.
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ОЦЕНКИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВ**

Специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение
и методы исторического исследования

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Казань – 2009

Работа была выполнена на кафедре Отечественной истории Института Исторического и правового образования (ИИПО) ГОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акмуллы».

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Г.Т.Обыденнова

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Г.М.Давлетшин
кандидат исторических наук, доцент
Ф.Ф.Шаяхметов

Ведущая организация: Институт Истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан.

Защита состоится 19 ноября 2009 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.01 при ГОУ ВПО «Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина» по адресу: 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18, ауд.1113.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Казанского государственного университета.

Автореферат разослан « ____ » _____

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

Д.Р. Хайрутдинова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. В научной литературе многие проблемы, связанные с историей кочевого скотоводства и кочевых обществ, стали предметом длительных и многочисленных дискуссий. Однако наиболее острыми и сложными оказались дискуссии, которые возникли при оценке специфики и уровня исторического развития кочевников. Неоднозначность используемых подходов, различия в методологии и многоплановость проблемы обусловили наличие множества концепций и противоположных суждений. При этом определенные сложности вызывает и то, что данная проблема носит междисциплинарный характер, получившая своё рассмотрение в историко-этнографических, археологических, экономических, социологических и других исследованиях.

Проблемы исторического развития кочевников вызывали самые серьезные расхождения, причем даже среди исследователей, использовавших одни и те же методы и критерии исследования. В этой связи показательны дискуссии, которые происходили в советской и зарубежной марксистской литературе, а также в рамках отдельных направлений западной историографии кочевников. Высказывавшиеся в этих дискуссиях разнообразные взгляды легли в основу целого ряда концептуальных подходов.

В марксистской (отечественной и зарубежной) историографии, в зависимости от того, как исследователи оценивали особенности и степень классового разложения у кочевников, были предложены разные варианты интерпретаций феодального развития кочевых обществ (включая теорию о «кочевом феодализме»), «предклассовая» и «раннеклассовая» концепции развития кочевников, а также концепция так называемого «номадного» способа производства, характеризующая кочевничество не только как особую форму хозяйства, но и как специфическую систему общественных отношений.

Зарубежная историография, альтернативная в своих подходах к марксистской литературе, особого интереса к теории социальной истории кочевников, к специфике и уровню общественного развития кочевников поначалу не проявляла. Вместе с тем, в целом отличием зарубежной историографии было то, что в своих работах исследователи стали использовать более широкое разнообразие теоретико-методологических подходов. В частности, проблемы социальной истории кочевников в той или иной мере находят отражение в рамках антропологического, экономического, экологического и других подходов. Под влиянием именно зарубежной историографии и методологии в современных отечественных исследованиях по кочевым обществам получили распространение и развитие теория вождества, теория циклов и внешней адаптации и т.д.

В связи с многоплановостью и сложностью рассмотрения вопросов характера и особенностей эволюции кочевых обществ, с учетом уровня развития современной исторической науки и возникает необходимость целостного исследования и систематизации подходов по этой проблематике.

Степень разработанности проблемы. В настоящее время существует обширная научная литература, посвященная изучению самых различных аспектов и вопросов истории и культуры кочевых скотоводческих обществ. В этих исследованиях находит свое отражение история кочевников Центральной Азии,

Ближнего Востока и Африки: от возникновения кочевого скотоводства и расцвета номадизма до его нынешнего состояния в условиях развития современного мира и процессов глобализации. Важной частью многих исследований по номадам являются также разработки вопросов теоретического характера. Однако среди них можно выделить довольно ограниченное по своей тематике и временным рамкам число научных работ, в которых рассматривается история изучения проблем интерпретации и определения основных характеристик стадийно-эволюционного и цивилизационного развития номадизма.

Период с конца XIX века – по 1920-е годы характеризуется становлением основ кочевниковедения и концептуальных подходов в изучении проблем номадизма и кочевого скотоводства. С этим связано и появление первых научных работ, содержащих обзор и критический анализ предложенных историко-социологических концепций.¹

С 30-х годов XX века изучение проблем кочевничества получило более основательный и интенсивный характер, обозначился спектр различных взглядов и подходов, расширилась источниковедческая база исследований по кочевым обществам. Анализ трудов предыдущих исследователей и их взглядов на историческое развитие кочевых обществ на данном этапе получил отражение в работах А.Н.Бернштама, А.Ю.Якубовского, Л.Н.Гумилева, И.Я.Златкина, Г.Е.Маркова, А.М.Хазанова, А.В.Попова, В.В.Грайворонского, М.А.Васильева, В.Кёнига, Л.Крейдера, Е.Геллнера, П.Бонте и др.

Современный этап (с 90-х годов) связан с переосмыслением и сменой научных парадигм, выработкой и становлением новых методологических подходов в изучении номадизма, с активным процессом взаимовлияний отечественных и зарубежных концепций. История изучения вопроса по проблемам кочевых обществ анализировались в работах Н.Н.Крадина, В.В.Трепавлова, Н.Э.Масанова, С.А.Васютина, К.Г.Ахсанова и др.

Работы, содержащие анализ историографии проблем исторического развития номадизма, к настоящему времени можно разделить условно на три группы: 1) публикации и монографии, которые, как правило, дают весьма краткие историографические обзоры или экскурсии по отдельным проблемам; 2) научные работы, посвященные изучению определенных вопросов и в целом ограниченные по своей хронологии и тематике; 3) статьи и публикации, которые посвящены отдельным исследователям, изучению биографии и научной деятельности, в той или иной мере их воззрениям и концепциям.

В научной литературе по-прежнему отсутствуют специальные работы по рассмотрению в комплексе различных подходов отечественных и зарубежных исследователей к социальной истории номадизма и интерпретации особенностей развития кочевых обществ.

¹ К числу ранних авторов, в чьих работах были предприняты попытки анализа подходов в изучении характера общественного развития кочевых народов, следует отнести русского востоковеда, академика В.В.Бартольда. См.: Бартольд В.В. Рец. на кн.: Н.А.Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности (отд. оттиск из «Живой старины», Вып. III и IV, 1896 г.) // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. 1899. Т.11. С.341-356; Бартольд В.В. Памяти В.В.Радлова. 1837-1918 // Известия РГО, 1919. Т.54. Вып.1. С.164-189; и др.

Объектом исследования являются исследовательские работы по истории кочевых скотоводов, в которых изучаются характер и уровень их общественно-исторического развития.

Предмет исследования – научные подходы, концепции и точки зрения, высказанные в отечественной и зарубежной литературе и позволяющие проследить историю изучения теоретических проблем социальной истории номадизма, особенностей и характеристики развития кочевых народов.

Цель исследования – проследить развитие основных концептуальных подходов и направлений в изучении важнейших проблем теории социальной истории и особенностей развития кочевых обществ, обобщив в рамках данной работы отечественную и зарубежную литературу.

Задачи исследования:

– проанализировать отечественные и зарубежные работы, в которых рассматривались проблемы специфики развития номадизма, описываемые с стадийно-эволюционных и цивилизационных позиций;

– изучить основные научные теории и концепции, которые определили не только характер и общую направленность исследований, но и вызвали интерес своими оригинальными и творческими исследовательскими подходами, учитывая влияние исторических реалий и процессов на выработку тех или иных подходов и концепций;

– определить связи и преемственность научно-теоретических исследований и концепций по истории кочевых обществ;

– показать степень изученности и особенности подходов к проблемам номадизма на конкретных исторических этапах их изучения;

– выявить современные тенденции и направления в изучении теоретических проблем истории кочевых обществ.

Хронологические рамки исследования. Данная работа хронологически охватывает период исследований по проблемам социальной истории номадизма, уровня исторического развития кочевых обществ, начиная с конца XIX века и по настоящее время.

Территориальные рамки исследования. В работе анализируются исследования, в которых получили освещение кочевые общества внутренней аридно-степной зоны Евразии и отдельные общества номадов Западной Азии и Северной Африки схожие между собой по хозяйственно-технологической деятельности, типичным элементам материальной культуры, социальным отношениям и общественно-племенной организации. В диссертационной работе нашли отражение общества кочевых скотоводов, на конкретно-исторических примерах которых наиболее часто строили свои концептуальные воззрения большинство из исследователей, занимавшихся изучением вопросов теории номадизма и различных аспектов исторического развития кочевых народов.

Источниковая база исследования. Источниками для исследования являются статьи, монографии, рецензии, обзоры и др. формы научных сочинений, в которых, так или иначе, находят в теоретико-концептуальном плане отражение различные взгляды и оценки отечественных и зарубежных авторов по проблемам исторического развития кочевых обществ. Первостепенное значение при этом имели исследовательские работы, в которых наиболее полно и цело-

стно освещаются авторские концепции и научные подходы; работы, послужившие основой для формирования целых направлений и школ в отечественном и зарубежном кочевниковедении.²

Новизна исследования. В данной работе последовательно и комплексно рассматривается отечественная и зарубежная литература по изучению важнейших дискуссионных теоретических проблем социальной эволюции и исторического развития кочевых обществ. Это специфика и характер кочевой экономики, соотношения земледелия и кочевого хозяйства у кочевников, проблемы перехода кочевников к оседлости, влияние процесса седентаризации на характер социально-экономического развития кочевых обществ, взаимодействие кочевников с оседлыми обществами, проблемы уровня исторического развития кочевников, проблемы типологии кочевых социально-политических систем. В диссертации подробно освещаются взгляды и концепции современных исследователей. Кроме того, в работе получили рассмотрение проблемы определения социокультурных особенностей номадизма, теория «кочевой цивилизации» и вопросы выработки её основных критериев.

Научно-практической значимостью исследования является то, что рассмотренные проблемы представляют большой интерес не только для исследователей-кочевниковедов, но и для специалистов других областей знания. Обобщенные положения и результаты работы могут быть использованы при выработке общих концепций истории кочевых народов, дальнейших разработок проблем социальной истории, для характеристики стадийно-эволюционных и цивилизационных особенностей номадизма.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Исследователи, так или иначе, приходят к выводу о специфичности исторического развития кочевых обществ, к пониманию номадизма как особой модели социальной эволюции, несмотря на принадлежность к различным методологическим направлениям, на различия в подходах и влиянии различных общественно-конъюнктурных условий.

2. Изучение и анализ широкого круга кочевниковедческих исследований позволяет характеризовать номадизм как особую систему хозяйствования и адаптации, сложившуюся в определенных природно-экологических и историче-

² В первой главе основными источниками исследования стали научные труды отечественных авторов: П.П.Румянцева, В.В.Радлова, Н.А.Аристова, В.В.Бартольда (конец XIX – начало XX веков); С.П.Голстова, Б.Я.Владимирцова, Н.Н.Козьмина, А.Н.Бернштама, М.И.Артамонова, С.П.Швецова, М.Г.Сахарова, В.П.Погорельского, Л.П.Потапова, С.Е.Толыбекова и др. (30-50-е годы); Л.Н.Гумилева, Л.П.Лашука, Г.А.Федорова-Давыдова, С.А.Плетневой, Д.Е.Еремеева, Г.Е.Маркова, К.П.Калиновской, Ю.И.Семенова, Н.Э.Масанова и др. (60-80-е годы). Во второй главе в качестве источников были использованы научные публикации Р.Груссэ, А.Тойнби, О.Латтимора, К.-А.Виттфогеля, Э.Бекон, Л.Бриггс О.Прицака, Д.Синора и др. (зарубежные исследователи 30-50-х годов); Б.Ширендыба, Ш.Нацагдоржа, Ч.Далая, Э.Вернера, В.Кёнига, В.Хартвига, И.Зеллинов, Х.Грюнерта, И.Эцседи, Л.Крейдера, Ж.-П.Дигара, П.Бонте и др. (зарубежные исследователи-марксисты 50-80-х годов); М.Салинза, Э.Сервиса, М.Фрида, Р.Карнейро, У.Айонса, Ф.Бурнхама, Ю.Шамильоглу, Дж.Флетчера, Т.Барфилда и др. (западные авторы 60-90-х годов). В третьей главе использовались работы современных отечественных авторов: А.И.Мартынова, А.М.Буровского, С.Г.Кляшторного, А.И.Фурсова, Е.И.Кычанова, Н.Н.Крадина, С.А.Васютина, А.М.Хазанова, Р.П.Храпачевского и др.

ских условиях, своеобразную систему социально-правовых и общественно-политических отношений, а также как самобытную культуру и образ жизни, систему ценностей и менталитет.

3. Номадизм, как и любое целостное и своеобразное историческое явление, предполагает изучение всех его аспектов и влияния различных факторов, характеризуя как с позиций стадияльно-эволюционного, так и цивилизационного подходов (которые, как отмечается в исследованиях современных теоретиков науки, вовсе и не следует противопоставлять друг другу³). При этом, давая цивилизационную характеристику номадизму (в рамках обсуждения и разработки вопросов «кочевой цивилизации» и присущих ей критериев), следует, на наш взгляд, рассматривать его как систему, основанную на специфичном и общем для всех номадов способе существования.

4. Среди исследователей по-прежнему вызывает значительные сложности вопрос о «роде», его особенностях и роли в обществе кочевых скотоводов, наличие в целом неопределенности в оценке этого и других понятий, связанных с традиционной общественной организацией номадов, которые, как правило, продолжают интерпретироваться как равнозначные системе кровного родства и первобытных отношений.

5. С учетом уровня теоретического развития современной исторической науки, развитие кочевниковедения в частности, возрастает значение выработки и совершенствования терминологии, относящейся к исследованию проблем теории номадизма и истории кочевых обществ. Это касается, прежде всего, трактовки различных аспектов общественных отношений у номадов и особенностей их этносоциальной организации, которые в литературе во многом традиционно интерпретируются на основе терминологии, заимствованной у оседлых обществ, исходя из категорий и принципов их развития.

Методология исследования. Диссертационная работа, основываясь на принципах историзма, рассматривает концепции и взгляды исследователей в их развитии и обусловленности, а также опирается на методы научного познания, применимых, прежде всего, для историографических исследований, используя преимущественно проблемно-хронологический, перспективный, сравнительно-исторический и сопоставительный методы. Проблемно-хронологический метод предполагает собой изучение темы, расчленив её на ряд отдельных проблем и продолжая в целом соблюдать хронологическую последовательность. Этот метод, в частности, стал во многом основанием структуры данного диссертационного исследования, где в каждом параграфе находит отражение основная проблема, получившая своё акцентированное внимание на конкретном этапе изучения. Сравнительно-исторический и сопоставительный методы были использованы в связи с необходимостью сопоставления различных концепций и взглядов отечественных и зарубежных авторов, занимавшихся изучением проблем теории номадизма, с целью выявления их общих и особенных черт, взаимосвязей и степени заимствования. Перспективный метод, исходя из рассмотрения и анализа предшествующих исследований и их уровня, определяет пер-

³ Келле В.Ж. Соотношение формационного и цивилизационного подходов к анализу исторического процесса // Цивилизация. М., 1993. Вып.2. С.26-34; Цивилизация, культура, личность / Под ред. В.Ж.Келле. М., 1999; и др.

спективные направления и проблематику последующих исследований. Кроме этого, исследования истории кочевых обществ представителями различных направлений и областей научного знания, усиление их интеграции обусловили необходимость применения междисциплинарного подхода при рассмотрении многих аспектов изучения номадизма.

Апробация исследования. Основные положения диссертационной работы были апробированы в научных докладах и тезисах выступлений на всероссийских и межрегиональных конференциях, проходивших в гг. Уфа, Пенза, Астрахань в 2004-2008 годах. По теме и материалам диссертации опубликовано 6 научных статей и докладов, в которых получили отражение основные результаты и выводы исследования.

Структура диссертационной работы исходит из общей проблемно-хронологической логики данного исследования и состоит из введения, трёх глав, заключения и списка использованных автором историографических источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обоснована актуальность темы исследования, рассмотрена степень изученности проблемы, определены объект и предмет исследования, освещены цель и задачи, приведены хронологические и территориальные рамки исследования, обозначена методология исследования, указана новизна диссертационной работы и её научная значимость.

Первая глава «Оценки уровня развития кочевых народов в отечественной литературе (до 90-х годов XX века)». Вопрос о социальной истории и особенностях уровня исторического развития номадов как таковой не ставился в исторической науке вплоть до XX века. Тем не менее, по мере расширения границ и присоединения к Российской империи Казахстана, Средней Азии и др. территорий (с необходимостью их освоения) постепенно возрастает число научных сообщений о разнообразных сторонах жизни местного кочевого населения, в том числе и о характере хозяйственных и социальных отношений. К началу XX века были собраны многочисленные историко-этнографические сведения о кочевых народах, которые предстояло концептуально обобщить и интерпретировать. Хотя в целом, если кочевые народы и получили на тот момент своё отражение в научной литературе, то, как правило, рассматривались они в контексте изложения истории их контактов и взаимоотношений с оседлыми народами и государствами, в меньшей степени при этом затрагивались вопросы хозяйства и общественного строя номадов.

§ 1.1. Историческое развитие кочевничества в работах русских авторов конца XIX – начала XX вв. «Родовая теория». Данный период характеризуется становлением основ кочевниковедения и концептуальных подходов в изучении проблем номадизма, включая и его социальных аспектов.

В работах русских авторов конца XIX – начала XX вв. (В.В.Радлова, Н.А.Аристова, В.В.Бартольда и др.) получила свое рассмотрение тематика общественных отношений у номадов, было предложено ряд подходов в оценке

того, как характеризовать сложение кочевых государственно-политических образований, какие причины и мотивы следует считать определяющими в данном процессе.⁴ Для литературы этого периода характерно рассматривать родовую и племенную организацию номадов как основу их системы общественных отношений, обусловленной в силу естественных факторов кочевого скотоводческого хозяйства, образа жизни и быта кочевых народов.

Как правило, в оценках исследователей общественная система номадов оценивалась как родовая в целом, где кочевой «род» ассоциировался с первобытностью и неразвитостью. Тем не менее, признавая, так или иначе, значение рода у номадов, в литературе обозначался и несколько иной взгляд на развитие кочевых обществ. Соответственно этому подходу, род стал пониматься не только как часть традиционной, патриархально-племенной общественной организации номадов, но и как важный *элемент социально-правовых отношений*, на основе которых формируются и функционируют кочевые политические структуры, а также складываются и кочевые государства (в частности, на этом основывалась т.н. «родовая теория» Н.А.Аристов).

Другой важной проблемой истории номадизма является вопрос о переходе кочевого населения к оседлым формам хозяйства, трансформации образа жизни и быта номадов, а также связанные с этим изменения характера их экономических и общественных отношений. По данной тематике исследователями на рубеже XIX – XX вв., исходя из разных оценок в понимании характера и степени влияния природных условий на историческое развитие кочевых обществ, высказывались различные взгляды о целесообразности и прогрессивности перехода от кочевничества к оседлости.

Согласно геодетерминистскому подходу, существование системы кочевого хозяйства было обусловлено от определенных природно-климатических и географических факторов (В.В.Радлов и др.). В этой связи отмечалось, что перевод на оседлость без учета влияния окружающей среды и хозяйственной потребности не будет в полной мере способствовать прогрессу у кочевников, поскольку кочевое скотоводство представляло собой хозяйство, наиболее приспособленное к природным условиям степных и пустынных территорий. Следуя этому подходу, исследователи зачастую придерживались крайних взглядов, а потому рассматривали общества номадов как исключительно зависимые от климата и географической среды, в отрыве от анализа экономических, общественных и других процессов. С точки зрения другого, POSSИБИЛИСТСКОГО подхода, общество живет по собственным законам, не завися в своем развитии от

⁴ Радлов В.В. К вопросу об уйгурах (Из предисловия к изданию Кудатку Билиг) // Записки императорской Академии наук по ист.-филол. отд. Т.72. прил.2. СПб.: 1893. С.74-75; Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. СПб.: 1896. Вып.3-4. С.283-284; Бартольд В.В. Рец. на кн.: Н.А.Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности... С.341-356; и др.

природной среды. В рамках этого подхода переход к оседлости оценивалась как определяющее условие для прогресса кочевых народов.⁵

В целом историография конца XIX – начала XX вв. в вопросах перспективы исторического развития номадизма, проблем оседания кочевого населения характеризуется постепенным усилением POSSIBИЛИСТСКИХ взглядов, выводами о необходимости изменений социальной структуры номадов и скорейшего перевода их на оседлый образ жизни, земледельческие формы хозяйства. В этот период не было предпринято серьезных попыток по разработке проблем номадизма. Несмотря на интерес к истории кочевых обществ, к изучению их социальной и политической системы, проявившийся в работах отдельных отечественных авторов конца XIX – начала XX вв., исследование этих проблем приобретает свою в полной мере актуальность лишь в условиях общественно-политических процессов, которые произошли в России в 20-30-е годы XX века. Эти процессы стали значимыми факторами для дальнейшего развития отечественного кочевниковедения, для изучения вопросов хозяйства и социальной истории номадизма, в частности.

§ 1.2. Общественный строй кочевников в советской историографии 30-50-х годов. Вопрос о феодализме у кочевых народов. К началу 30-х годов, с утверждением в отечественной исторической науке марксистской методологии происходит кардинальный пересмотр прежних подходов по социальной истории кочевничества. Формируется *социальный заказ*, целью которого было обоснование общественных противоречий и классовой борьбы у кочевых народов. В результате чего оформляется концепция о развитии классовых отношений в кочевых обществах и имевших в своей сущности феодальный характер. В то же время различия в оценках уровня развития этих отношений не могли не вызвать весьма острую дискуссию – даже среди исследователей, поддержавших теорию о феодальном пути общественного развития номадов.

С этого времени можно говорить о том, что в научной литературе наиболее очевидными стали различия в понимании стадийного уровня развития кочевых обществ, стало возможным появление среди советских исследователей широкого спектра подходов и точек зрения. Так, сторонниками раннефеодальных отношений отмечалось о длительном периоде существования у кочевых народов родового строя и позднем появлении у них первых признаков феодализма. Другие, видели в кочевых обществах наличие определенно более развитых классовых отношений (примером этому, в частности, являются взгляды о рабовладельческой стадии развития кочевых обществ, от которой затем номады

⁵ Так, В.В.Бартольд по данному вопросу отмечал то, что в независимости от каких-либо частностей прогрессом для кочевых народов, в конечном счете, является лишь их оседание: «Как ни велик был вред, причиненный (кочевому. – А.Ш.) народу насильственным, неумелым и непосредственным вмешательством в его жизнь, едва ли, однако, непригодность отдельных местностей для земледелия исключают возможность перехода от кочевой жизни к усовершенствованному скотоводству, вполне совместимому с установлением мирных условий жизни и усвоением европейской культуры». См.: Бартольд В.В. Памяти В.В.Радлова. 1837-1918 // Известия РГО, 1919. Т.54. Вып.1. С.179.

переходили на следующую, феодальную стадию своего развития;⁶ теория «кочевого феодализма» Б.Я.Владимирцова, оценивавшая в целом феодализацию кочевых обществ по аналогии с европейским феодализмом⁷). Однако наибольшее распространение у советских историков получили взгляды о складывании у кочевников феодальных отношений, но при этом длительно сочетавшихся с сильными патриархально-родовыми пережитками. Для обозначения подобного рода отношений в литературе стали широко применять термин «патриархально-феодальные отношения».

В 20-е годы в советской литературе по-разному оценивали переход кочевников к оседлости и влияние на них специфических экологических условий. Многие из исследователей, признавая влияние природных факторов, указывали на то, что кочевое скотоводство являлось наиболее рациональной формой хозяйства в условиях засушливых, степных районов (Б.А.Куфтин, Н.Н.Мацкевич, С.П.Швецов и др.).⁸ На основе чего, часть исследователей выступала за сохранение кочевого хозяйства, высказывая свои опасения относительно дальнейшей судьбы кочевников и их образа жизни.⁹ Однако геодетерминистские взгляды, которые преобладали среди отечественных исследователей в 20-е годы, в последующем, исходя из идеологии и теории классового подхода, сменяются мировоззренческими представлениями попсибилизма, не признающего влияние природных факторов на развитие общества.

С утверждением попсибилистской концепции в советской историографии получили преобладание взгляды о необходимости и прогрессивности перевода кочевников на оседлые формы хозяйства. Попсибилизм в этой связи послужил теоретическим основанием социально-экономических преобразований, осуществлявшихся советской властью в Казахстане, Средней Азии, Бурятии и других районах в 20-х и 30-х годах, когда в отношении местного кочевого и полукочевого населения планомерно и в массовом порядке стала проводиться политика по седентаризации и коллективизации. Это, в свою очередь, сопровождалось искоренением традиционных общинно-родовых институтов у кочевников и интенсивным внедрением социалистических отношений. Вопросы об организации и преобразовании скотоводческих хозяйств получили в этот период в советской

⁶ Толстов С.П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // Основные проблемы генезиса и развития феодального общества // Известия государственной академии истории материальной культуры. Вып.103. М.-Л., 1934. С.175; Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. С.260-261; Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР. №.9. М.-Л., 1949. С.281; и др.

⁷ Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

⁸ Куфтин Б.А. Киргиз-казаки. Культура и быт. М., 1926. С.13-14; Ярошевич Н. Организация крестьянского хозяйства Средней Азии: Популярный очерк. Ташкент, 1926. С.67; Мацкевич Н.Н. Сравнительная длина кочевков казахского населения бывшей Семипалатинской губернии // Записки Семипалатинского отдела Общества изучения Казахстана. 1929. Т.1. Вып.18. С.1-33; и др.

⁹ Швецов С.П. Природа и быт Казахстана // Казахское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях. Л., 1926. С.93-105; и др.

литературе особенно широкое освещение. Складывается однозначная теоретико-идеологическая установка, согласно которой процессы седентаризации и разложения номадизма рассматривались как неоспоримая историческая закономерность, важный этап на пути к строительству социализма (В.Батраков, В.П.Погорельский, М.Г.Сахаров, И.А.Зверяков и др.).

В условиях реализации выдвинутого советским руководством в конце 20-х годов курса на сплошную коллективизацию теоретически это получило обоснование в многочисленных публикациях официальной советской печати, а также в ряде специальных работ, где в качестве основных методов внедрения социалистических отношений среди кочевого населения выдвигались ускорение процесса их оседания и ликвидация кочевого хозяйства. Игнорировалось как влияние естественно-экологических детерминантов номадизма, так и использование в широком практическом значении потенциала и опыта хозяйственной деятельности кочевых скотоводов.

К началу 40-х годов завершился процесс оседания и создания коллективных хозяйств в Казахстане, Средней Азии, Южной Сибири и в других районах с кочевым и полукочевым населением. Это привело к заметному снижению интереса в рассмотрении вопросов оседания у номадов. Однако с конца 50-х и начала 60-х годов количество научных работ, затрагивающих изучение данной проблематики, вновь увеличивается. Возрастает внимание к актуальным проблемам номадизма со стороны мировой научной общественности и международных организаций (ЮНЕСКО, МОТ и др.), по инициативе которых проводятся различные международные форумы, конгрессы, конференции, семинары и пр., в том числе и с участием советских делегаций. В рамках этой деятельности важной задачей стала пропаганда достижений и признание мировым сообществом опыта Советского Союза в решении проблем номадизма и перевода кочевников к оседлым формам хозяйства и быта.

Внимание советских исследователей к проблемам общественного строя кочевых народов значительно возросло в середине 50-х годов, когда по наиболее спорным вопросам был проведен целый ряд дискуссий (прежде всего, требовалось необходимость прояснить и уточнить вопрос по поводу *форм собственности на основные средства производства* у кочевников, а значит определить сущность рассматриваемых производственных отношений и уровень развития кочевых обществ). Эти вопросы широко обсуждались на специальных сессиях и конференциях, а также на страницах научных журналов, новых публикаций и монографий.

В этой связи весьма неоднозначное значение имела объединенная научная сессия Академии Наук СССР и академий наук республик Средней Азии и Казахстана (Ташкент, 1954 г.), которая закрепила на последующие десятилетия практически полное господство в отечественной литературе феодальной («патриархально-феодальной») концепции. Преобладающим стало мнение, что только собственность на землю является основой производственных отношений у кочевых народов при феодализме. Считалось, что кочевникам были свойственны те же самые закономерности развития феодализма, что и у оседлых народов,

а понятие «патриархально-феодальные отношения» стало, как правило, трактоваться равнозначным феодальным классовым отношениям.¹⁰

§ 1.3. Специфика общественного развития номадов в советской литературе в 60-80-е годы. «Раннеклассовая» концепция. В 60-е годы начинается следующий этап в изучении социальной истории номадизма. Увеличивается число специальных работ, основанных на обширном фактическом материале о кочевниках. С этого времени дискуссии приобретают несколько иной характер. Поскольку особенностью нового этапа стало появление работ, в которых уже ставилась под сомнение однозначность развития классовых отношений у кочевников, была подвергнута критике утвердившаяся в советской литературе феодальная (патриархально-феодальная) концепция. Факты, свидетельствующие о недостаточной зрелости классовообразования в кочевых обществах, стали основой для выработки новых подходов.

К числу исследователей, которые ставили под сомнение феодальное развитие кочевых обществ, следует отнести Л.Н.Гумилева. Особенностью его научных трудов является то, что в них во многом перекликается традиция русской исторической школы рубежа XIX-XX веков. Это, в частности, находит отражение в вопросе о кочевой государственности, эволюции общественных отношений у кочевников и, в конечном счете, сказывается на оценках характера их общественно-политического строя. Структура кочевых обществ в целом определялась исследователем как не достигшая классовой стадии, где проявления и наличие отдельных элементов классовых отношений оценивалось в качестве «преходящего» и периферийного явления.¹¹

Сторонники «предклассовой» концепции (Ю.И.Семёнов, С.И.Вайнштейн, К.П.Калиновская и др.) основывались на том, что в условиях ведения экстенсивного кочевого хозяйства для номадов была характерна *специфическая* социально-экономическая структура, развитие которой происходило замедленно, или она практически не изменялась. Если же и проявлялись классовые отношения, то это неизбежно побуждало кочевников-скотоводов переходить к оседлости.¹² Согласно другой, «раннеклассовой» / раннегосударственной концепции (С.Г.Кляшторный, А.М.Хазанов, Е.П.Бунятян, А.И.Мартынов и др.), общественное развитие номадов характеризуется сохранением в условиях кочевого образа жизни общинных отношений на землю и патриархально-племенной организации и одновременно наличием в кочевых обществах элементов социаль-

¹⁰ Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.

¹¹ Гумилев Л.Н., Эрдеи И. Единство и разнообразие степной культуры Евразии в средние века (опыт анализа) // Народы Азии и Африки. 1969. №.3. С.79-80.

¹² Семенов Ю.И. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества // Советская этнография. 1982. №.2. С.48-59; Калиновская К.П. Скотоводы Восточной Африки в XIX-XX вв. Хозяйство и социальная организация. М., 1989. С.157; Шнирельман В.А. Возникновение производящего хозяйства. М., 1989. С.404; и др.

ной дифференциации, обусловленной частным владением на скот.¹³ При этом в научно-исторической литературе под термином «раннеклассовое общество» стало обычно пониматься *многоукладное общество*, сочетающее в себе равной степени различные общественно-экономические уклады. Среди исследователей были и те, кто стал развивать идею, так называемого *особого*, «*номадного*» *способа производства*. Данная группа исследователей (Г.Е.Марков, Н.Э.Масанов и др.) не относила кочевые общества ни к одной из традиционных общественных формаций, указывая на то, что кочевничество, исходя из его экологической специфики, особенностей материального производства и системы общественного разделения труда, является особой формой хозяйствования и определенной социальной характеристикой.¹⁴

К числу актуальных проблем следует также отнести ситуацию, связанную с уточнением понятий и дефиниций явлений хозяйства и общественной жизни кочевых скотоводов. Данная проблема не раз становилась предметом обсуждений на страницах научных публикаций, где рассматривался широкий перечень понятий-терминов, относящихся как к общей научно-этнографической терминологии, так и к более конкретным понятиям и дефинициям хозяйства и общественной системы *номадов*.¹⁵ Эти обсуждения показали, что в содержании терминов, характеризующих именно общественный строй *номадов*, продолжали возникать серьезные различия. Наличие таких расхождений в понимании и трактовке многообразных форм хозяйства и явлении социального бытия кочевничества, естественно, не могло не отразиться и на терминологии, что требовало, в свою очередь, необходимости дальнейших исследовательских проработок и унификации понятийно-терминологического аппарата в данной научно-теоретической области.

Во второй главе «Основные подходы к социальной теории *номадизма* в работах зарубежных исследователей» отражены концептуальные подходы зарубежных авторов, представляющие различные направления в изучении специфики исторического развития кочевых обществ.

¹³ Хазанов А.М. Социальная история скифов: основные проблемы развития древних кочевников Евразийской степи. М., 1975. С.35; Бунятян Е.П. Формы собственности у кочевников // Проблемы реконструкции исторического процесса в археологии. Киев, 1985. С.41; Кляшторный С.Г. Основные черты социальной структуры древнетюркских государств Центральной Азии (VI – X вв.) // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: проблема социальной мобильности. М., 1986. С.227; Мартынов А.И. О развитии государственности у древних народов Сибири // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия история, филология, философия. Новосибирск, 1988. Вып.1. №.3. С.23-28; и др.

¹⁴ Масанов Н.Э. Социально-экономические отношения в кочевом обществе казахов // Вестник АН КазССР. 1988. №.8. С.45-55; Андрианов Б.В., Марков Г.Е. Хозяйственно-культурные типы и способы производства // Вопросы истории. 1990. №.8. С.3-15; и др.

¹⁵ Марков Г.Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология // Советская этнография. 1981. №.4. С.83-94; Симаков Г.Н. О принципах типологизации скотоводческого хозяйства у народов Средней Азии и Казахстана в конце XIX – начале XX века // Советская этнография. 1982. №.4. С.67-76; Андрианов Б.В. Некоторые замечания о дефинициях и терминологии скотоводческого хозяйства // Советская этнография. 1982. №.4. С.76-80; Першиц А.И. Социально-экономическая терминология в понятийном аппарате этнографии // Советская этнография. 1983. №.5. С.59-69; и др.

Период XVIII-XIX вв. в Европе ознаменован становлением востоковедения как отдельного научного направления. По мере накопления фактического научного материала, его систематизации и анализа по тематике востоковедческих исследований начинают публиковаться как крупные труды, так и статьи в периодической печати, в различных научных изданиях. Это обусловило постепенный рост интереса и к изучению кочевых народов. В этот период в основном получили освещение события политической истории номадов, при этом вопросы специфики хозяйства и социальной организации кочевых народов, как правило, не затрагивались.

В своих работах зарубежные авторы конца XIX – начала XX вв. просматривали наличие определенных имущественных и социальных различий среди номадов, однако их подходы зачастую характеризуются отсутствием концептуального осмысления особенностей истории кочевых обществ.¹⁶

§ 2.1. Проблемы социальной истории номадизма в зарубежной исторической науке в 30-50-х годах. С 30-х годов XX века в западноевропейской и американской научной литературе в связи с активизацией исследований проблем развития догосударственных обществ постепенно возрастает интерес и к изучению истории номадизма, специфики традиционных обществ кочевых скотоводов (условий их экологической среды, форм хозяйства, системы общественных отношений).

Данные исследования были предприняты с позиций различных теоретических подходов и отличались широким разнообразием предлагаемых методов анализа. Постепенно складываются различные социологические направления и школы в разработке проблем исторического развития ранних и традиционных обществ, в понимании в целом основных принципов и закономерностей социальной эволюции. При этом в научной литературе, наряду с приверженностью одних авторов к отдельным подходам и системам их методов (диффузионизм, функционализм, эволюционизм и пр.), другие авторы нередко использовали различные научно-методологические подходы, сочетая в своих работах логику их анализа и схемы построений. Отсюда, нередко эклектичность в применении той или иной методологии – являлась другой важной особенностью научно-концептуальных воззрений зарубежных исследователей.

Одним из подходов, с помощью которого предпринимались попытки интерпретировать историю номадизма, стал географический детерминизм, связывавший развитие общества с определяющим воздействием окружающей среды. Исходя из этого, во многих исследованиях (Р.Груссэ, А.Тойнби и др.) постулировалась зависимость кочевых обществ от среды обитания, влияния специфических природных условий степи и циклических измене-

¹⁶ Schuyler E. Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. Vol.2. London, 1876. P.139; Howorth H.H. History of the Mongols from the 9-th to the 19-th Century. London, 1876-1927. Part.2. The So-Called Tartars of Russia an the Central Asia. Taipei, 1970. P.1068-1087; Dingelstedt V. Le régime patriarcal et de le droit coutumier des Kirghiz. Paris, 1891; Bang W. Zu den köktürkischen Inschriften // T'oung Pao, Leiden. 1899. Vol.11. P.121; и др.

ний климата, в том числе связывалось это с процессами возникновения и упадков кочевых империй.¹⁷

В своих исследованиях западные авторы, как правило, не затрагивали вопросов стадиальной эволюции кочевников, не предпринимали поначалу серьезных попыток анализа и реконструкции их общественных отношений. Многими из них кочевые общества характеризовались отсутствием развитой социальной дифференциации и общественной иерархизации. С их точки зрения, в основе обществ кочевых скотоводов лежали родовые порядки, обусловленные спецификой природных условий и потребностями кочевой жизни, препятствовавшими складыванию социального неравенства.

В 50-70-х годах XX века одним из важнейших направлений западной исторической науки стало рассмотрение проблем генезиса государства, выявление *определяющих факторов государствообразования*, что, в свою очередь, обусловила также активизацию исследований по вопросам кочевых обществ и их социальной реконструкции.

Среди западных авторов признается существование определенной поляризации и социально-иерархической структуры в кочевых обществах, но объяснялось это в основном внешними причинами. В ряде исследований концептуально опровергалась исключительная обусловленность кочевых обществ внешними, физико-климатическими факторами и антагонизм в отношениях кочевых обществ с оседлыми обществами, отмечая наличие между ними тесной взаимосвязи.¹⁸ Тем не менее, к числу основных причин складывания кочевых государственных образований многие западные исследователи относили стремление кочевых обществ компенсировать ограниченность собственного специализированного хозяйства, в необходимости в постоянном получении продукции земледелия и ремесла, во внешней эксплуатации оседло-земледельческого населения, обеспечивая тем самым своё устойчивое функционирование.¹⁹ Большое значение при этом отводилось заимствованиям и влиянию, которое оказывали оседлые общества на формирование внутренней военно-политической структуры, системы управления и власти в кочевых обществах.²⁰

§ 2.2. Зарубежные марксистские теории и социальная история кочевых скотоводческих народов. Как и в советской литературе, в зарубежной марксистской историографии были предложены разнообразные подходы и точ-

¹⁷ Grousset R. L'Empire Mongol. Paris, 1941. P.335-358; Тойнби А.Дж. Постигание истории / пер. с англ. М., 1991. С.183-187; и др.

¹⁸ Lattimore O. The Geographical Factor in Mongol History // The Geographical Journal. 1938. Vol.91. No.1. P.1-12; Lattimore O. Inner Asian frontiers of China. New York, 1940; и др.

¹⁹ Bacon E.E. Types of pastoral nomadism in Central and Southeast Asia // SWJA. 1954. Vol.10. No.1. P.46; Sinor D. Central Eurasia // Orientalism and History. London, 1954. P.98-103; Pritsak O. Die 24 Ta-ch'en: Studie zur Geschichte des Verwaltungsaufbaus der Hsiung-nu Reiche // Oriens Extremus. 1954. Jg.1. S.178-202; и др.

²⁰ McGovern W.M. The Early Empires of Central Asia. Chapel Hill, 1939. P.116-118; Bacon E.E. Obok: A Study of Social Structure of Eurasia. New York, 1958. P.177-188; Clauson G. Turkish and Mongolian Studies. London, 1962. P.12; Saunders J.J. The History of Mongol Conquests. London, 1971. P.12-28; Patai R. The Culture Areas of the Middle East // The nomadic alternative. The Hague; Paris, 1978. P.3-39; и др.

ки зрения по интерпретации характера общественного и стадийного развития кочевых народов.

Интерес к рассмотрению данной проблемы у зарубежных исследователей-марксистов наметился в 1950-е годы и, прежде всего, был связан с влиянием дискуссий советских историков о сущности и особенностях проявления феодализма у кочевников, закономерностях развития кочевых обществ. С 1960-х годов происходит интенсификация кочевниковедческих исследований, в рамках которой зарубежными марксистами было начато широкое и многоплановое изучение кочевых обществ, возрастает их внимание к дискуссионным вопросам экономики и социальной истории номадизма. При этом различия, проявившиеся в оценках классового и общественного строя номадов, также не могли не обусловить появление тех или иных подходов и теории.

За рубежом сложился целый ряд центров изучения истории номадизма, основанные на марксизме. Прежде всего, это страны социалистического сообщества: ГДР, Венгрия, Польша, Монголия, КНР и др. В числе кочевниковедов, широко использовавших в своих работах марксистскую методологию, были также представители из Франции, США, Японии и т.д. В каждом из этих центров марксистские исследования по проблемам номадизма имели свои характерные особенности.

В соответствии с положениями марксистско-ленинского учения и политико-идеологическим курсом, проводимой правящей Монгольской народно-революционной партией (МНРП), исследователи из Монголии практически всецело поддержали феодальную интерпретацию развития традиционного общества монголов и других кочевников. Однако, в отличие от советской историографии, среди монгольских авторов, наряду с мнением о том, что основой феодализма при кочевом скотоводстве, как и в условиях оседлого хозяйства, является земля, развивалась идея о «двуединых» средствах производства (земли и скота). В этой связи ведущее концептуальное значение имели работы монгольского историка, академика Ш.Нацагдоржа.²¹ Начиная с 60-х годов, взгляды о двуединых средствах производства как факторах, обусловивших складывание феодализма и специфику форм феодальной эксплуатации в условиях кочевых обществ, были приняты большинством историков МНР.

Однако если в монгольской историографии в целом общественное развитие кочевых скотоводческих народов оценивалось в рамках феодальной теории, то у других зарубежных марксистов сложилось многообразие взглядов относительно понимания особенностей социального строя номадов.

Среди китайских авторов широко высказывалось мнение о рабовладельческом характере кочевых обществ. Это нашло отражение не только при рассмотрении ранней истории номадов, но и более поздних её периодов. При этом в китайской историографии в 1950-80-ых гг. было сильно влияние государственно-националистической и маоистской идеологии.

Часть зарубежных исследователей-марксистов (Д.Харматта, Э.Вернер, М.Масао и др.), рассматривая степень классового образования кочевых обществ,

²¹ Нацокдоржи Ш. Из истории аратского движения во Внешней Монголии. М., 1958; Natsagdorj Sh. The economic basis of feudalism in Mongolia // Modern Asian studies. 1967. Vol.1. P.265-281; и др.

считала, что хотя в условиях экстенсивного хозяйства, наличия родовых пережитков для кочевников и была присуща замедленность темпов развития классовых отношений, но все же происходил процесс феодализации.²²

Тем не менее, в работах большинства зарубежных марксистских исследователей распространение и поддержку получила точка зрения, согласно которой кочевники в своём общественном развитии не достигли реального уровня формирования классовых отношений.

В этом отношении важнейшее теоретическое значение имел коллоквиум, прошедший в Лейпциге в 1973 г. Дискуссия проходила вокруг выработки и формулировки основных характеристик кочевничества как специфической системы хозяйственных и общественных отношений.²³ Большинство из участников коллоквиума поддержало мнение о позднем первобытном, «предклассовом» состоянии общества кочевников, другая часть исследователей стала склоняться к тому, что кочевые общества достигли начальных этапов классового образования и становления раннегосударственных отношений.²⁴

В 70-80-е годы в зарубежной социальной антропологии получил распространение, т.н. структурный марксизм – направление, которое, изучая закономерности развития ранних, «доисторических» обществ, рассматривало их внутреннюю, общественные противоречия и социальную эволюцию во взаимодействии и связях с мировой системой.

В рамках данного направления, прежде всего в работах французских исследователей-социоантропологов (Ж.-П.Дигард, П.Бонте и др.), затрагивались проблемы кочевой экономики и общественного развития кочевников. В частности, в этих исследованиях было предложено характеризовать кочевничество как специфический способ производства. Основанием для этого стали сочетание у кочевников форм частной (на скот) и коллективной, общинной (на пастбища) собственности, социальное неравенство и стратификация, возникшее в виду неравного отношения в кочевых обществах к средствам производства, уровня организации хозяйства и продуктивности труда кочевых скотоводов.²⁵

Таким образом, в результате дискуссий о социальной эволюции кочевых обществ в зарубежной марксистской историографии, наряду с наличием различных подходов, устоялись концептуально и получили распространение пред-

²² Harmatta J. The Dissolution of the Hun Empire // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1952. Т.II. F.4. P.277-304; Werner E. Zwei Bemerkungen zum Nomadenwesen // EAZ. 1976. Jg.17. H.2. S.295-302; и др.

²³ Grünert H., König W. Die Nomadenviehzucht als wirtschaftlich kultureller Typ. Bericht vom 3. Ethnographisch-Archaeologische Zeitschrift – Kolloquium Leipzig, 1973 // EAZ. 1974. Jg.15. H.3. S.453-468.

²⁴ Grünert H. Die Nomadenviehzucht als wirtschaftlich kultureller Typ. S.461-462, 464-467; Hartwig W.A. Die «Spezific» der gesellschaftlichen Organisation der Nomadenviehsucher // EAZ. 1974. Jg.15. H.4. S.623-627; и др.

²⁵ Digard J.-P. La dynamique sociale et les facteurs de changement chez les pasteurs nomades // Production Pastorale et Societe. No.3. Paris, 1978. P.2-17; Bonte P. Egalite et inegalite chez les pasteurs nomades // Production Pastorale et Societe. No.2. Paris, 1978. P.2-8; Bonte P. Marxist Theory and Anthropological Analyses: The Study of Nomadic Pastoralist Societies // The Anthropology of Pre-Capitalist Societies. New York, 1981. P.22-56; и др.

классовая²⁶ и раннеклассовая концепции, сторонники которой, указывая на существование у номадов социальной дифференциации, но, вместе с тем, отмечали о неразвитости их классовых отношений.²⁷ В последнее время французские неомарксисты развивают также мнение о присущем кочевникам особом, «номадном» способе производства.

§ 2.3. Оценки уровня развития кочевых обществ в зарубежных исследованиях 60-90-х гг. Теория вожества. В 60-е годы в западной политической социологии в рамках обсуждений проблем генезиса государства и в целях определения сущности ранних, догосударственных политических структур была предложена теория вожества, которая, характеризуя «вожество» (англ. «chiefdom») как определенную стадию политического развития, стала широко использоваться в историко-социологических исследованиях. Согласно этим исследованиям, в процессе усложнения своей социальной организации общество проходит через ряд промежуточных этапов, которые предшествовали появлению институтов государства. Складывание государственной организации происходило в результате развития общества от простых форм, характеризующиеся отсутствием дифференциации и социальной иерархии, к более сложным организационным формам с ранговой и стратифицированной структурой. Формы общественной организации, достигшие высокого уровня социальной стратификации и управления, в последующем и становятся той основой, на которой возникает и формируется государство.²⁸

Прежде всего, именно в рамках теории вожества и раннего государства исследователи и стали рассматривать политико-социальную организацию кочевых скотоводов. В литературе отмечалось, что общественные структуры номадов, за отдельным исключением, не были сопоставимы с развитой государственной организацией, но в большинстве случаев кочевые общества по уровню и принципам своей социальной организации подпадали под основные характеристики вожеств. Как и вожества в целом, в своих социальных связях эти сложные общественные системы номадов («кочевые вожества») основывались на сложившейся иерархической структуре и определенной имущественной дифференциации. При этом кочевая общественная иерархия (отличающаяся жест-

²⁶ König W. Zu fragen der gesellschaftsorganisation der nomaden // Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Berlin, 1981. H.33. S.26-30; Seiwert W.-D. Viehleihe und soziale Athangigkeit bei den Hirtenomadern der Westsahara // Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Berlin, 1981. H.33. S.173-182; Treide D., Treide B. Das Konzept der militärischen Demokratie und einige Fragen der ethnographischen Forschung // EAZ. 1984. Jg.25. H.3. S.380-407; и др.

²⁷ Werner E. Zwei Bemerkungen zum Nomaden wesen // EAZ. 1976. Jg.17. H.2. S.295-302; Krader L. The origins of the state among the nomads of Asia // Soviet and Western Anthropology. London, 1980. XXV. P.135-147; Ecsedy I. Nomads in History and Historical Research // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1981. T.35. Fasc.2-3. P.201-227; и др.

²⁸ Sahlins M.D. Evolution: Specific and General // Evolution and Culture. Ann Arbor, 1960. P.12-44; Service E.R. Primitive Social Organization. An Evolutionary Perspective. New York, 1962; Fried M.H. The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology. New York, 1967; Carneiro R.L. A Theory of the Origin of the State // Science. 1970. Vol.169. P.733-738; и др.

кой военной организацией) была организована на принципах генеалогического родства, на системе клановых и племенных связей.²⁹

С 80-ых гг. термин «вождество» нашел свое широкое применение и в отечественной историко-этнографической и археологической литературе для обозначения общественных структур доклассовой, протогосударственной стадии развития. Современные российские исследователи, в том числе затрагивающие проблемы социальной эволюции номадизма, обычно определяют вождества как военно-иерархические общества, соответствующего поздней стадии *потестарной организации*.³⁰

В данный период своё дальнейшее теоретико-концептуальное обоснование в западной историографии получила точка зрения о том, что в кочевых обществах отсутствовали внутренние потребности в политической интеграции и государственной организации, рассматриваемые как результат адаптации и взаимодействия с оседлыми обществами.³¹ Контакты номадов (в особенности кочевых обществ Евразии) с развитыми государственными обществами, оценивались как определяющего влияния на складывание кочевых политических объединений. Тогда как отмечалось, что отсутствие таких связей у африканских скотоводов не способствовали складыванию среди них крупных политических образований, схожих по размерам и сложности своей организации с кочевыми империями, которые существовали в Центральной Азии.³²

В целом в зарубежных исследованиях по номадизму, несмотря на признание наличия определенной социальной и имущественной поляризации в кочевых обществах, концептуально интерпретация общественного развития номадов сводилась по преимуществу к связям и взаимодействию с оседло-земледельческими цивилизациями, объясняя это процессами адаптации, наличием внешних влияний и предпосылок.

В третьей главе «Интерпретация уровня исторического развития номадизма в современной отечественной литературе» получили рассмотрение современные подходы к теории социальной эволюции кочевых обществ,

²⁹ Krader L. The origin of state among the nomads of Asia // The Early State. The Hague; Paris; New York, 1978. P.93-107; Khazanov A.M. The early State among the Eurasian nomads // The Study of the State. The Hague, 1981. P.156-173; Khazanov A.M. Nomads and the Outside World. Cambridge; New York, 1984; и др.

³⁰ При этом следует отметить, что в последующем многие исследователи, как отечественные, так и зарубежные, стали более критично подходить к осознанию того, что вождество является столь универсальной формой общества в рамках эволюционного развития. К настоящему времени вождество трактуется в научной литературе как один из вариантов политической организации, существовавший в ряду других, разнообразных переходных общественных структур. См.: Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Лынша В.А. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С.24-83.

³¹ Irons W. Political Stratification among Pastoral Nomads // Pastoral Production and Society. New York, 1979. P.361-374; Barfield T.J. The Hsiung-nu Imperial Confederacy: Organization and Foreign Policy // The Journal of Asian Studies. 1981. Vol.41. No.1. P.45-61; Fletcher J. The Mongols: Ecological and Social Perspectives // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1986. Vol.46. No.1. P.11-50; и др.

³² Burnham P. Spatial Mobility and Political Centralization in Pastoral Societies // Pastoral Production and Society. New York, 1979. P.349-360; и др.

определению уровня стадийного развития и цивилизационной характеристики номадизма.

На современном этапе многие из теоретических аспектов изучения исторического развития номадов по-прежнему являются дискуссионными. Связано это с тем, что во взглядах и подходах российских исследователей, затрагивающих данную тематику, продолжают сохраняться серьезные и принципиальные расхождения. С одной стороны, современные исследователи при рассмотрении кочевых обществ все более приходят к осознанию специфичности их исторического развития. При этом, несмотря на разнообразие точек зрения, по-прежнему ключевым остается вопрос о том, какие факторы – внутренние или внешние – можно считать определяющими для развития кочевых обществ. С другой стороны, заметно возросло количество научных работ, в которых отражается анализ истории номадизма с позиций также цивилизационных концепций, использующих в значительной мере из арсенала социальной философской теории сравнительно-эмпирические методы познания и обращающие основное внимание на выявление специфических, историко-культурных черт тех или иных народов и регионов. Их применение, безусловно, позволяет в настоящее время отойти от некогда доминировавшего в нашей исторической науке политэкономического анализа всей динамики развития всемирно-исторического процесса. Обусловлено это не только с постоянным ростом новых источников, но и связано также с происходящим сегодня процессом смены научно-методологической парадигмы и коренным переосмыслением сложившихся за долгие годы стереотипов и установок в отечественной исторической науке в целом. На данный момент, является очевидным становление во многом новых подходов в науке, в том числе и в изучении кочевых обществ.

§ 3.1. Цивилизационная характеристика номадизма. Теория «кочевой цивилизации». В последнее время значительно возрос интерес к рассмотрению номадизма с позиций активно применяемого сегодня цивилизационного подхода. Подтверждением этому является проведение многочисленных конференций, симпозиумов и других научных мероприятий, на которых затрагивается разнообразная и широкая область изучения: от вопросов теории до проблем современного состояния номадизма. В связи с этим, особое значение имела целая серия научных конференций, в ряду первых в России положивших начало изучению кочевничества на цивилизационной основе, где центральными проблемами обсуждений становятся теория «кочевой цивилизации», история и культура кочевых цивилизаций, тематика связей и взаимодействий кочевых культур с другими культурами и цивилизациями и т.д.³³

К настоящему времени большинство исследователей, занимающихся изучением номадизма, вполне определенно признаёт существование кочевой цивилизации, исходя из очевидной специфики кочевой системы,³⁴ которая во мно-

³³ Балдано М.Н., Бураева О.В. «Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии» // Отечественная история. 2001. №.6. С.196-197; Грайворонский В.В. «Россия и Монголия в свете диалога евразийских цивилизаций» // Восток. 2001. №.6. С.139; Грайворонский В.В., Яскина Г.С. «Диалог цивилизаций: взаимодействие кочевой и других культур Центральной Азии» // Восток. 2002. №.1. С.150; и мн. др.

³⁴ Грайворонский В.В., Яскина Г.С. Там же, С.152-155.

многим определяется способами освоения номадами окружающего их мира. Однако в то же время такое многоплановое понятие, как «цивилизация» таит в себе немало сложностей. Причем сложившееся многообразие трактовок значения слова «цивилизация» было во многом обусловлено тем, что, наряду с вольными, субъективистскими оценками, неизменно в понимание этого термина вкладывалось и политико-идеологическое содержание.³⁵ В научной литературе ещё только предстоит проработка многих аспектов, как общей теории цивилизации, так и вопроса о кочевой скотоводческой цивилизации. По ряду таких проблем исследователи остаются далеко не единодушными.

Значимость на сегодня приобретает вопрос о выработке объективных критериев и оценок изучения кочевой цивилизации. Необходимость и важность такого поиска связаны с тем, что критерии, которые были созданы и используются в отношении оседлых обществ, не соответствуют и не могут быть применены для рассмотрения кочевых обществ – вследствие их явных социокультурных различий. Современные специалисты, в числе которых не только представители исторической науки, но и обществоведы, культурологи, экологи и т.д., предпринимают попытки выявления и обоснования научных критериев описания кочевой цивилизации и специфики её проявлений (А.И.Мартынов, А.М.Буровский, Э.С.Кульпин, Н.Н.Крадин и др.).³⁶

Другой не менее сложный и требующий своего рассмотрения в научной литературе вопрос – это вопрос о выделении исследователями тех или иных вариаций / типов обществ (в том числе и кочевых систем) на основе цивилизационных характеристик.³⁷ В рамках рассмотрения теории цивилизации интересным и, безусловно, перспективным направлением являются попытки обозначить в историческом развитии различные цивилизационные уровни, позволяющим сопоставлять те или иные общества в разных пространственно-временных и системно-функциональных аспектах.³⁸

В последнее время в социально-философской литературе наметилась тенденция, когда часть исследователей (В.Ж.Келле, Л.И.Семенникова и др.), веду-

³⁵ Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С.Ерасова. М., 2001. С.9-26.

³⁶ Буровский А.М. Степная скотоводческая цивилизация: критерии описания, анализа и сопоставления // *Цивилизация*. М., 1995. Вып.3. С.151-164; Мартынов А.И. Два этапа развития степной скотоводческой цивилизации // *Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: Материалы международной конференции*. Улан-Удэ, 2000. Т.1. С.80-84; Крамаровский К. Великая Орда Златая. Улус Джучи как цивилизация // *Родина*. 2003. №.11. С.66-74; Кульпин Э.С. Золотая Орда: феномен степной городской цивилизации // *Цивилизации*. М., 2004. Вып.6. С.127-158; и др.

³⁷ В работах отдельных современных авторов предпринимаются попытки выделить такие локальные (региональных) вариации кочевой цивилизации. См., к примеру: Крадин Н.Н. Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии // *Цивилизация*. М., 1995. Вып.3. С.165-166.

³⁸ Так, в частности, предлагается выделить следующие уровни: глобальный (общемировой), локально-региональный (группы стран или этносов), локально-страновой (одно государство – один народ) и локально-субцивилизационный (отдельные группы территорий и этносов в составе крупных локально-страновых цивилизаций). См.: Тагиров Э.Р. На перекрестке цивилизаций. История татар в контексте культуры мира. Казань, 2007. С.85-87.

щих разработку цивилизационной теории, стала склоняться к пониманию цивилизации как *способа существования*. Такое понимание сущности цивилизации предполагает собой охват материальных и духовных сторон общественной системы в целом (экономики, социально-политической организации, культуры, ментальности и т.д.), составляющих единство общности.³⁹

Следует отметить, что характеристики номадизма как определенного способа существования и специфической социокультурной системы дают нам, по всей видимости, основание для дальнейшего поиска методов и принципов изучения особенностей цивилизационного развития кочевых обществ, обоснования теории «кочевой цивилизации». Сложности, возникающие при разработке теории «кочевой цивилизации», связаны с наличием методологических проблем цивилизационного подхода, с отсутствием четкого определения в научной литературе понятия «цивилизация», проблемами классификации и выделения критериев для разных типов цивилизаций.

§ 3.2. Общественный строй кочевых народов в современных отечественных исследованиях. Проблемы типологии социальных и политических систем кочевников. В современной отечественной литературе по номадизму по-прежнему представлены различные подходы к интерпретации и оценки характера общественного строя номадов.

К числу важнейших проблем, стоящих перед исследователями, следует отнести рассмотрение причин возникновения и особенностей функционирования «кочевых империй» – наиболее крупных и иерархически сложных военно-политических образований кочевников. Помимо этого, своё значение в современной литературе также приобретает вопрос о типологии различных социально-политических систем кочевников.

При этом, как и прежде, одни авторы (К.П.Калиновская, Е.И.Кычанов, Р.П.Храпачевский и др.) продолжают исходить из внутренних закономерностей развития кочевых обществ, т.е. изменений, происходивших в рамках собственных хозяйственных и социальных связей номадов, объясняя внешнеполитическую деятельность и внешнюю военную экспансию номадов как следствие их внутренних предпосылок.⁴⁰ Согласно другим исследователям, характеристика исторического развития номадов по-прежнему сводится в основном к адаптации к «внешнему», оседлому миру, к внешним связям и контактам кочевых обществ с оседло-земледельческими цивилизациями (Л.С.Васильев, Н.Н.Крадин, А.И.Фурсов и др.). В данном случае необходимость в политической централизации у номадов, появление институтов государственности усматривается во внешней экспансии и экзотексплуатации номадами. Поскольку это было свя-

³⁹ Келле В.Ж. Соотношение формационного и цивилизационного подходов к анализу исторического процесса // *Цивилизация*. М., 1993. Вып. 2. С.26-34; *Цивилизация, культура, личность* / Под ред. В.Ж.Келле. М., 1999. С.31-32; Семенникова Л.И. Рец. на кн.: Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). М., 2000 // *Вопросы истории*. 2001. №.11-12. С.159-161; и др.

⁴⁰ Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. С.5; Марков Г.Е. Из истории изучения номадизма в отечественной литературе: вопросы теории // *Восток*. 1998. №.6. С.118-120; Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М., 2005. С.9, 44-48; и др.

зано с ограниченностью кочевого экстенсивного и специализированного хозяйства, обусловившую экономическую зависимость номадов и влияние на них оседлых обществ.⁴¹ Своё обоснование в рамках дискуссий о специфике кочевых обществ и их стадийной характеристике получил также подход, предполагающий сочетание различных факторов, которые определяли историческое развитие кочевых обществ, его содержание и тенденции. Основой выступают как взаимосвязи номадов с оседлым миром и экзополитарные отношения, так и внутренние закономерности, связи и принципы развития кочевых обществ, наличие в той или иной мере многих факторов.⁴²

В распоряжении ученых, имеются различные группы источников, которые в той или иной мере могут использоваться в исторических исследованиях по номадизму. Следует, при этом, отметить, что в кочевниковедении находит применение не только комплекс старых источников, но и идет поиск и выработка новых. В последнее время при рассмотрении социальных аспектов истории номадизма исследователи более активно стали обращаться к экологическим, климатологическим, демографическим и другим данным.⁴³

В заключении подводятся итоги диссертационного исследования, формулируются основные выводы.

Вопросы изучения особенностей развития кочевых обществ, сохраняющие по-прежнему своё актуальное значение, относятся к числу важнейших научно-теоретических проблем в кочевниковедении. Это, прежде всего, касается проблем оценки характера и уровня исторического развития кочевых народов, рассматривавшиеся исходя из широкого и разнопланового спектра мнений и подходов. Тем не менее, среди исследователей, вне зависимости от существующих подходов и интерпретации истории кочевых обществ, к настоящему времени высказывается однозначное представление о номадизме как о специфической системе и укладе жизни, сложившейся в определенных природно-экологических и исторических условиях. Учитывая наличие безусловной связи между кочевым видом хозяйственной деятельности и социальным строем кочевых обществ, номадизм характеризуется как система адаптации к факторам среды обитания, которые обусловили, в свою очередь, специфические формы хозяйства, быта, социальной организации и культуры у народов, живших кочевым образом жизни.

Вместе с тем, признавая специфичность развития номадизма, исследователи, как и прежде, принципиально расходятся в своих оценках по целому ряду

⁴¹ Васильев Л.С. История Востока. Т.1. М., 1994. С.482-483; Фурсов А.И. Восток, Запад, капитализм: проблемы философии, истории и социальной теории // Капитализм на Востоке во второй половине XX века. М., 1995. С.106-107; Крадин Н.Н. Общественный строй кочевников: дискуссии и проблемы // Вопросы истории. 2001. №.4. С.21-32; и др.

⁴² Хазанов А.М. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002. Т.5. С.37-57; Васютин С.А. Типология потестарных и политарных систем кочевников // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002. Т.5. С.87-91;

⁴³ См., например: Тортика А.А., Михеев В.К, Кортиев Р.И. Некоторые эколого-демографические и социальные аспекты истории кочевых обществ // Этнографическое обозрение. 1994. № 1. С.49-62.

аспектов изучаемой тематики. При этом на выработку тех или иных подходов в немалой степени имели значение субъективность и тенденциозность в позициях и взглядах авторов по многим вопросам изучения истории номадизма, нередко оказывали влияние политико-идеологическая конъюнктура.

Одним из таких дискуссионных проблем, имевших ключевое значение среди исследователей, являлся вопрос о внутренних и внешних факторах исторического развития номадов, какие из этих факторов следует считать определяющим для складывания и функционирования экономических и социополитических кочевых структур.

В стадийном контексте кочевые общества в целом интерпретируются как общества, достигшие уровня позднепервобытного / предгосударственного (Л.Н.Гумилев, В.Кёниг, И.Зеллнов, В.Хартвиг, Ю.И.Семёнов, Г.Е.Марков, К.П.Калиновская, А.И.Фурсов, Н.Н.Крадин и др.) или раннегосударственного (А.И.Першиц, Л.Крейдер, И.Эцседи, Э.Вернер, Х.Грюнерт, А.М.Хазанов, С.Г.Кляшторный, В.В.Трепавлов и др.) развития. Однако, при этом, остается сложным и многоплановым само рассмотрение вопроса о происхождении государства, определения его критериев и характеристики данного социального феномена, как в конкретных историко-культурных условиях, так и на разных этапах исторического развития. Дискуссии и обсуждения об определяющих факторах и условиях, способствовавших складыванию институтов государства, проблем поиска и выявления определяющих граней между догосударственными общественными структурами и ранним государством получило широкое отражение и в рамках исследований по кочевниковедческой тематике и социальной истории кочевых скотоводческих обществ. В литературе отмечается, что общественные структуры номадов в своём развитии, как правило, не достигали реального уровня государственной политической организацией. По уровню и принципам общественной организации и социальной структуры кочевые общества следует относить к таким ранним формам политической структуры, как вождества (М.Салинз, Л.С.Васильев, Н.Н.Крадин и др.). Основой сложных общественных систем номадов по типу вождеств также являлась иерархическая структура и определенная имущественная дифференциация.

Особенностью кочевых обществ было то, что их структура находилась в тесной связи с племенными и патриархально-генеалогическими принципами организации. Несмотря на то, что номады были взаимосвязаны в своих отношениях с оседло-земледельческим населением, испытывая порой сильное влияние оседлых обществ, но, тем не менее, кочевые общества представляли собой политико-социальные организмы, существовавшие и функционировавшие самостоятельно от обществ оседлых земледельцев.

При этом, с нашей точки зрения, ключевым вопросом при определении характера общественных отношений, политико-правовой и этносоциальной системы у номадов является понимание кочевого рода и родовой организации (при условии выработки и обоснования в дальнейшем соответствующей терминологии) как формы и основы кочевых обществ, но не рассматриваемая как первобытная организация. В работах исследователей нередко указывалось на значение рода как важной части общественной системы номадов, основы их этносоциальной организации (Л.Н.Гумилев, Г.Е.Марков, В.Кёниг, Л.Крейдер и

др.). С опорой на это в своё время даже была, в частности, предложена т.н. «родовая теория», где придавалось большое значение родовой организации, в том числе и роли её при складывании кочевых государств. Нередко можно встретить используемые в литературе понятия-термины: «племенное государство», «родовое государство», «родовая империя» и т.п. Но, в целом кочевой «род» по-прежнему продолжает оставаться в представлении многих исследователей как система кровного / первобытного родства.

Основой построения социальной организации номадов являлись не столько родство, которое также имело своё значение, а, сколько, главным образом, общность сложившихся политико-общественных и хозяйственных интересов. В основе военно-политического объединения номадов лежат их специфические общественно-генеалогические отношения, т.е. отношения, которые характеризуются наличием как реального, так и формального родства.

Понимание особенностей исторического развития кочевых обществ предполагает также необходимость выработки четкой терминологии исследовании номадизма, в уточнении понятий и дефиниций, отражающих различные стороны кочевой жизни. Важным является то, что при изучении феномена номадизма следует выработать и использовать терминологию, наиболее адекватную и лучше всего раскрывающую самобытные черты истории и культуры кочевых народов, роль и место их в историческом процессе. В большинстве случаев нецелесообразно использование по отношению к номадам терминов и понятий, с помощью которых характеризуются и интерпретируются явления из жизни оседлых, земледельческих обществ.

На современном этапе проявился интерес к рассмотрению номадизма также с позиций цивилизационной теории. В связи с этим возникает и становится актуальным вопрос об определении понятия «кочевая цивилизация» (А.И.Мартынов, А.М.Буровский, Э.С.Кульпин и др.). Цивилизационный подход предполагает характеристику номадизма как социокультурной системы или общности, ориентирован на дальнейший поиск методов и принципов изучения цивилизационного основ развития кочевых обществ. Сложности, которые при этом возникают, связаны с наличием теоретико-методологических проблем, с отсутствием общепринятого определения в научной литературе понятия «цивилизация», проблемами классификации различных цивилизаций и выделения их критериев. Между тем, в литературе также высказывается потребность в обобщающей теоретической концепции всемирно-исторического процесса, основой которой должен стать многофакторный анализ, тем более то, что касается рассмотрения сложных проблем истории кочевых обществ. Возникает необходимость выработать взгляд на мировую историю как о многообразии, но в рамках единого процесса. Чему позволит, пожалуй, лишь взаимосвязь стадийного и цивилизационного подходов, способствуя преодолению присущих им односторонности и противопоставление друг к другу.

Таким образом, проблемы, которые, по-прежнему, существуют при изучении истории номадизма, наличие различных концептуальных подходов свидетельствует о необходимости дальнейших разработок в исторической науке особенностей развития кочевых обществ, их стадийно-эволюционной и цивилизационной характеристик.

**ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА
ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОЙ ИССЛЕДОВАНИЯ**

I. Публикации в ведущих рецензируемых изданиях, утвержденных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Шаисламов, А.Р. Кочевая цивилизация: проблема поиска и разработки научных критериев / А.Р.Шаисламов // Вестник Челябинского государственного университета. Научный журнал. Вып.21. История. – 2007. – №.18 (96). – С.105-110.

2. Шаисламов, А.Р. Проблемы и оценки общественно-исторического развития кочевых обществ в современной российской историографии / А.Р.Шаисламов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. Научный журнал. №.12 (85). Общественные и гуманитарные науки. – СПб., 2008. – С.89-94.

II. Публикации в иных изданиях:

3. Шаисламов, А.Р. К вопросу о терминологии исследования кочевничества / А.Р.Шаисламов // Вестник Башкирского государственного педагогического университета. Серия Гуманитарные науки. – 2005. – №.1 (6). – С.124-128.

4. Шаисламов, А.Р. Понятие "цивилизация" на современном этапе изучения истории и культуры кочевых обществ / А.Р.Шаисламов // Материалы XXXVIII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции / отв. ред. Д.В.Васильев, А.В.Сызранов. – Астрахань: Издательский дом "Астраханский университет", 2006. – С.218-219.

5. Шаисламов, А.Р. Потестарно-политические системы кочевников и проблемы их типологии в современной историографии номадизма / А.Р.Шаисламов // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы. – 2006. – №.2-3 (10-11). – С.165-169.

6. Шаисламов, А.Р. Теория цивилизации как один из аспектов изучения истории и культуры кочевых скотоводческих обществ / А.Р.Шаисламов // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы. – 2007. – №.2 (13). – С.98-102.

Лиц. на издат. деят. Б848421 от 03.11.2000 г. Подписано в печать 14.05.2009.
Формат 60X84/16. Компьютерный набор. Гарнитура Times New Roman.
Отпечатано на ризографе. Усл. печ. л. – 1,7. Уч.-изд. л. – 1,5.
Тираж 100 экз. Заказ № 155.

ИПК БГПУ 450000, г.Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а